

СМЕСЬ

⁵⁹Французские журналы извещают нас о скором появлении “Записок Самсона, парижского палача”. Этого должно было ожидать. Вот до чего довела нас жажда новизны и сильных впечатлений.

После соблазнительных “Исповедей” философии XVIII века⁶⁰ явились политические, не менее соблазнительные откровения. Мы не довольствовались видеть людей известных в колпаке и в шлафроке⁶¹, мы захотели последовать за ними в их спальню и далее. Когда нам и это надоело, явилась толпа людей темных с позорными своими сказаниями. Но мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильсон⁶², Казановы⁶³ и Современницы⁶⁴. Мы кинулись на плутовские признания полицейского шпиона и на пояснения оных клейменого каторжника. Журналы наполнились выписками из Видока⁶⁵. Поэт Гюго не постыдился в нем искать вдохновений для романа, исполненного огня и грязи⁶⁶. Недоставало палача в числе новейших литераторов. Наконец и он явился, и к стыду нашему скажем, что успех его “Записок” кажется несомнительным.

Не завидуем людям, которые, основав свои расчеты на безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо повторению сказаний, вероятно, безграмотного Самсона. Но признаемся же и мы, живущие в веке признаний: с нетерпеливостью, хотя и с отвращением, ожидаем мы “Записок парижского палача”. Посмотрим, что есть общего между им и людьми

живыми? На каком зверином реве объяснит он свои мысли? Что скажет нам сие творение, внушившее графу Мейстру⁶⁷ столь поэтическую, столь страшную страницу? Что скажет нам сей человек, в течение сорока лет кровавой жизни своей присутствовавший при последних содроганиях стольких жертв, и славных, и неизвестных, и священных, и ненавистных? Все, все они — его минутные знакомцы — чредою пройдут перед нами по гильотине, на которой он, свирепый фигляр⁶⁸, играет свою однообразную роль. Мученики, злодеи, герои — и царственный страдалец, и убийца его, и Шарлотта Корде⁶⁹, и прелестница Дю-Барри⁷⁰, и безумец Лувель⁷¹, и мятежник Бертон⁷², и лекарь Кастен⁷³, отравлявший своих ближних, и Папавуань⁷⁴, резавший детей: мы их увидим опять в последнюю, страшную минуту. Головы, одна за другою, западают перед нами, произнося каждая свое последнее слово... И, насытив жестокое наше любопытство, книга палача займет свое место в библиотеках в ожидании ученых справок будущего историка.

⁷⁵Недавно отпечатаны в литографии г. Гельбаха, одной из лучших, существующих в Петербурге, три рисунка, сделанные с картин Кипренского⁷⁶, под смотрением г. Сандомури, давно известного публике по прекрасным произведениям своим на камне, его учениками: Житневым и Безлюдным.

Два из сих рисунков, изображающие *цыганку* и *бедную девочку*, охотники до изящного необходимо должны, кажется, купить вместе, для того, чтобы, сравнивая их между собою, с большим удовольствием чувствовать прелесть кисти Кипренского и удобнее понять, с каким искусством и гением умел сей художник выразить два, совершенно противоположные характера.

Кто не скажет, взглянув на эту голову с густыми, черными и небрежно рассыпанными локонами, со смуглым лицом, с пламенными и лукавыми глазами, с полуоткрытым ртом, выражающим необузданный смех, что это живое изображение чувственности и грубых наслаждений?

74

Разберите порознь все черты лица этой женщины: они правильны, очерк их настоящий греческий, но она далека от того, чтобы назваться прелестною; ей недостает привлекательности. Это дикое дитя природы, которое никогда не чувствовало надобности обуздывать страсти свои, и все они ясно вырезались на лице ее. В руке у нее ветка миртового дерева, посвященного некогда богине Пафоса⁷⁷: самый приличный символ подобной женщине...

Посмотрите теперь на эту бедную девочку. Какое милое дитя! какая нежность и привлекательность в очертаниях лица, несмотря на всю неправильность оных. Опыт и страсти еще не успели положить на оном печати своей и дабы

прочитать на нем выражение добродушия, скромности и невинности, не нужно быть Лафатером⁷⁸ ... Но этот красивый цветочек, который у нее в руке, она, верно, сорвала не для того, чтобы наслаждаться приятным запахом: он его не имеет... Итак, неужели для того, чтобы украсить им простой наряд свой? неужели суетность успела уже закраситься и в это юное, невинное сердце?.. О нет! Она сорвала его так, безо всякого намерения... и бросит, как негодную игрушку, когда он завянет... Какой живописец Кипренский!

Третий рисунок также не менее занимателен по предмету своему. Это портрет поэта нашего Александра Сергеевича Пушкина, сделанный с весьма похожего оригинала, принадлежащего барону Дельвигу. Как сей, так и другие два рисунка нарисованы прекрасно и делают честь мастерской г. Сандомури.

Желающие купить их могут адресоваться к самому издателю, живущему на Углу Гороховой улицы, близ Семеновского моста, в доме Яковлева.

В. Л — р.

⁷⁹Когда Макферсон⁸⁰ издал “Стихотворения Оссиана” (перевод, подражание или собственное сочинение — этот вопрос, кажется, доселе еще не решен), тогда все с восхищением читали их и перечитывали. “Никто еще не был *опечален* мыслию (говорит Вилльмен⁸¹), что, удивляясь сим

поэтическим песням, он удивлялся современнику. Все чувствовали *удовольствие без примеси*, то есть читали превосходные поэмы и не обязаны были за них благодарностью *никому из живых людей*". Потом начали догадываться, допытываться и дознались (вправду или нет), что поэмы Оссиановы были поддельные, новейшие произведения, словом: что их создал сам Макферсон. Известный критик доктор Джонсон⁸², человек отменно грубый, сильно напал на Макферсона и называл его обманщиком и злоумышленным делателем подлогов. Закипела жаркая война на перьях. И вот образчик тогдашней полемики: ответ д. Джонсона на письмо Макферсона, который гордо изъяснял свою досаду на обидное неверие английского критика.

“Г. Джемс Макферсон!

Я получил ваше глупое и бесстыдное письмо. Я всеми мерами буду стараться отражать всякое насильственное против меня покушение; а чего не могу сделать сам, то сделают за меня законы. Надеюсь, что угрозы какого-нибудь негодяя никогда не отклонят меня от стремления изобличать обман.

Какого себе оправдания требуете вы от меня? Я считал вашу книгу подложною и теперь ее считаю таковою ж. В подтверждение сего мнения я представил публике причины, которые вызываю вас опровергнуть. Я презираю ваше бешенство. Ваши дарования, по изданию в свет вашего Гомера, кажется, не слишком опасны; а

**слышанное мною о вашем характере заставляет
меня обращаться**

75

**внимание не на то, что вы скажете, а на то, что вы
докажете. Это письмо вы можете напечатать, если
хотите”.**

**В пояснение некоторых слов сего письма
должно сказать, что Макферсон, обольщенный
успехом своего Оссиана, перевел Гомерову
“Илиаду” оссиановским слогом и весьма
неудачно.**

**Предлагаем это письмо как поучительный
пример для наших журнальных критиков. И
почему нашим *Адиссонам*⁸³ не быть и нашими
Джонсонами?**

76